

Время, 1861. №6

ЕЩЕ О ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

письмо къ редактору «Времени»
по поводу двухъ современныхъ
статей

Не вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой!
Лермонтовъ.

Кто не согласится, что въ настоящее время литература у насъ процвѣтаетъ особенно пышно и пушисто? Старые журналы не только сохраняютъ свои прежнія достоинства, но становятся лучше; въ «Библіотекѣ для Чтенія» перестали являться статьи, неудобныя для чтенія, по причинѣ крайняго недоумѣнія и неудовольствія, возбуждаемаго ими въ читателяхъ; «Русскій Вѣстникъ» издаетъ свою животрепещущую Современную Лѣтопись еженедѣльно и *прилагаетъ* къ

ней ежемѣсячно свой журналъ, по прежнему ученый и серьёзный. И такъ далѣе. Но сверхъ того, въ нынѣшнемъ году выходятъ новые журналы, которые не хуже старыхъ, на примѣръ ваше «Время», «Основа» и пр. Притомъ книжная дѣятельность, внѣ журналовъ, не перестаетъ возрастать.

Однимъ словомъ, никогда еще на Святой Руси столько не писалось и не читалось какъ въ настоящую минуту. Повидимому вездѣ широкое пишущее движеніе... Но вы уже знаете, какія мрачныя и безотрадныя мысли овладѣваютъ мною при взглядѣ на Русскую Словесность.

Меня неотступно преслѣдуетъ и часто давить, какъ кошмаръ, призракъ *брамбеусовщины*, ужасный призракъ пустого броженія, шумнаго, но безплоднаго словоизверженія, пестраго, но безобразнаго хаоса словъ и мыслей. Въ такихъ случаяхъ я напрягаю всѣ силы своего соображенія, для того, чтобы открыть какія нибудь руководящія нити, какіе нибудь проблески

и уловить что нибудь опредѣленное въ нашей текущей литературѣ.

Въ послѣднее время, въ *прекрасномъ мѣсяцѣ мая* появились двѣ статьи, которыя сильно возбудили мое утомленное и недовольное вниманіе, и о нихъ—то я желаю теперь побесѣдовать съ вами. Одна изъ нихъ есть статья г. Д. Писарева въ «Русскомъ Словѣ», подъ названіемъ *Схолластики XIX вѣка*; другая — статья г. Н. Чернышевскаго въ «Современникѣ» подъ заглавіемъ *О причинахъ паденія Рима*.

Статьи эти показались мнѣ сущою находкою, и давно я не былъ такъ доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ онѣ принадлежать къ тѣмъ наивнымъ и вообще рѣзкимъ явленіямъ, въ которыхъ извѣстныя мнѣнія и направленія высказываются прямо, съ такою смѣлостію и беззапѣнчивостію, какъ будто кругомъ никого и ничего нѣтъ. Онѣ похожи на тѣ откровенныя рѣчи, которыя иногда произносятся во снѣ и которыхъ спящій никакъ не произнесъ бы въ присутствіи другихъ въ состояніи бдѣнія. Серьезно — я

готовъ былъ вообразить, что въ нашей литературѣ кое-гдѣ царить сонъ, и что во снѣ она выдаетъ свои тайны.

Подслушавъ этотъ сонный говоръ, я пришолъ однако въ большое затрудненіе. Вообще замѣчу, что питая сильное желаніе принять участіе въ нашемъ литературномъ движеніи, я большею частію бываю останавливаемъ непреодолимыми трудностями. Въ настоящемъ случаѣ дѣло вотъ въ чемъ:

Судить объ этихъ статьяxъ, то есть оцѣнить ихъ достоинство — чрезвычайно легко. Еслибы я сталъ на точку зрѣнія судьи, еслибы я, напримѣръ, могъ писать съ такимъ авторитетомъ, съ какимъ пишетъ «Русскій Вѣстникъ», то я повторилъ бы слова ученаго журнала и сказалъ бы, что статья г. Чернышевскаго есть *совершенная дичь*, а къ г. Писареву я примѣнилъ бы то, что «Русскій Вѣстникъ» говорилъ г. Антоновичу, то есть, *что онъ и понятія не имѣетъ о томъ, что значитъ мыслить*. Такой приговоръ, рѣшительный и опредѣленный, былъ бы вполнѣ

справедливъ. Но дѣло не такъ легко рѣшается. Къ величайшему сожалѣнію этотъ справедливый приговоръ былъ бы совершенно бесполезенъ. Онъ не убѣдилъ бы ни г. Писарева, ни г. Чернышевскаго, и даже ни мало не помѣшалъ бы душевному удовольствію, съ которымъ конечно очень многіе прочтутъ ихъ статьи.

Повидимому слѣдуетъ поступать иначе; именно нужно опровергнуть эти статьи, нужно разрушить ихъ положенія и выводы. Но, — и здѣсь страшное затрудненіе. Приглядѣвшись немного, легко видѣть, что опровергать статьи — *не стоитъ*. Судите сами.

Статья г. Чернышевскаго, ни больше, ни меньше, какъ *отрицаетъ исторію*, потомучто эта статья отрицаетъ смыслъ величайшаго событія, какое только было въ исторіи, именно: паденія древняго міра и зарожденія новаго міра.

Статья г. Писарева, ни больше, ни меньше, какъ *отрицаетъ философію*, то есть вычеркиваетъ изъ области

человѣческихъ интересовъ величайшіе подвиги человѣческаго ума.

Вы видите, что предметы, выбранные нашими писателями, не маловажны; наши писатели, какъ видно, любятъ говорить о возвышенныхъ предметахъ. Но, поэтому самому, не было ли бы совершенно смѣшно и по донъ-кихотски — защищать отъ г. Писарева философію, а отъ г. Чернышевскаго исторію? Какое дѣло философи до г. Писарева, а исторіи до г. Чернышевскаго? Пусть для нихъ, и вѣроятно для множества другихъ, исторія и философія не существуютъ и кажутся пустяками; гораздо плачевнѣе то обстоятельство, что мы-то сами и съ г. Писаревымъ, и съ г. Чернышевскимъ, едва ли существуемъ для исторіи и для философи. Исторія и пишется, и совершается тамъ гдѣ-то далеко, внѣ предѣловъ, въ которыхъ мы существуемъ; и философія движется тоже тамъ гдѣ-то, внѣ нашей дѣйствительности. До нихъ добратся трудно, и къ нимъ статьи гг. Чернышевскаго и Писарева не

относятся. Эти статьи всецѣло принадлежать другой области, именно представляют опыты того чистѣйшаго искусства для искусства, которое часто одно и называется Русской Литературой.

Замѣчаете ли вы, какъ я крѣпко держусь за дѣйствительность? Я надѣюсь, вы вполне оцѣните мои усилія и согласитесь, что это очень трудно. Я ни какъ не поддаюсь соблазну и не хочу брать на себя фантастическій подвигъ — защищать исторію и философію; я не увлекаюсь примѣромъ этихъ двухъ писателей, которые оба пресерьёзно стараются разрушить — одинъ исторію, а другой — философію.

Среди хаоса и мрака нашей литературы, я всячески стараюсь отыскать хоть маленькій клочокъ твердой почвы, на которомъ бы можно было крѣпко держаться.

И такъ беру дѣло съ надлежащей его стороны.

Если для разсматриваемыхъ статей судъ бесполезенъ, а опроверженія они не стоятъ, то однакоже я успѣлъ убѣдиться, что онѣ стоятъ вниманія.

Существуетъ у насъ не исторія и философія, но все-таки *существуетъ* нѣкоторый процессъ, нѣкоторое движеніе, именуемое Русской Литературой. Въ этомъ процессѣ статьи гг. Писарева и Чернышевскаго имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Я тотчасъ вижу, что онѣ не суть одинокія явленія, но что тысячи нитей соединяютъ ихъ со множествомъ другихъ статей и этихъ и другихъ писателей; я хорошо знаю, что статьи эти читаются и будутъ читаться съ великимъ удовольствіемъ множествомъ нашихъ читателей.

Что же это за явленіе, что за процессъ? Гдѣ его источники и какія главныя черты?

Изслѣдованію такого вопроса я придаю нѣкоторую важность. Во взглядѣ на него я, извольте замѣтить, очень расхожусь съ «Русскимъ Вѣстникомъ». По мнѣнію этого журнала такія явленія, какъ статьи гг. Чернышевскаго, Антоновича, Писарева и подобныя, происходятъ отъ того, что мы, какъ *«общество порожнее, лишонное собственныхъ интересовъ, не имѣющее*

своей мысли, не жившее умственно, безхарактерное и слабое, способны только заметить къ себѣ чужой соръ и щеголять въ чужихъ обноскахъ». По моему же убѣжденію, во всѣхъ этихъ произведеніяхъ не одинъ только чужой соръ и чужіе обноски, но есть очень много своего, родного, самостоятельнаго. Изъ этого разнорѣчія вы можете убѣдиться, что я чувствую несравненно большую нѣжность къ Русской Литературѣ, чѣмъ «Русскій Вѣстникъ». Нѣтъ, мы не всегда похожи на дикарей, какъ ни попало нацѣпляющихъ на свое дикое тѣло европейскіе обноски, нѣтъ, хотя отчасти, хотя слегка, но мы дѣйствительно европеимся, принимаемъ цивилизацію въ нашу плоть и кровь. На нашей родимой почвѣ не одинъ чужой соръ, но изъ чужихъ европейскихъ сѣмянъ растутъ и разцвѣтаютъ настоящія, живыя растенія. Цивилизація существуетъ у насъ, положимъ, въ видѣ лопушниковъ и репейниковъ, но все-таки не въ видѣ мусора.

И въ настоящемъ случаѣ, вглядываясь въ два цвѣтка современной нашей словесности, я нахожу у нихъ вполнѣ русскія формы, русскій цвѣтъ и запахъ. Вы видите слѣдовательно, что ими можно и должно интересоваться, и вы видите въ какомъ смыслѣ. Такъ ботаникъ изслѣдуетъ каждую травку и энтомологъ не пренебрегаетъ мелкими букашками. Изучать же произведеніе духа конечно несравненно поучительнѣе, чѣмъ изслѣдовать сорныя травы, гадовъ и насѣкомыхъ отечественной почвы.

Начнемъ же. Въ статьяxъ, о которыхъ мы говоримъ, рѣзко бросается въ глаза черта, по которой они сходны со многими статьями такого рода, именно: *отрицаніе авторитетовъ*. Если г. Чернышевскій отвергаетъ исторію, а г. Писаревъ философію, то они отвергають ихъ именно какъ авторитетъ, т. е. какъ нѣчто, стоящее выше ихъ, и требующее себѣ отъ нихъ уваженія и подчиненія. Вотъ, на примѣръ, какъ г. Писаревъ ратуеть противъ философіи:

«Ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности мы имѣемъ полное право — во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознание, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ хаотическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ — явление опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты? Вѣдь надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это не правда; истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что

осязательно, что можно рассмотреть глазами и ощупать руками, то пойметъ и десятилѣтній мальчикъ, и простой мужикъ, и свѣтскій челоуѣкъ, и ученый специалистъ».

Видите ли какъ это ясно и мило? Г. Писаревъ опасается *умственной аристократизма*; конечно онъ не думаетъ, что философы стануть притѣстнять другихъ людей и тиранствовать надъ ними; ему досадно только то, что они возбуждаютъ къ себѣ *уваженіе* своимъ глубокомысліемъ. Вы видите, что бороться и спорить тутъ не съ чѣмъ, и не для чего; нужно просто только воспользоваться этими рѣчами въ просонкахъ для точнѣйшей характеристики текущей литературы.

Что рѣчи характерныя, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Для ясности я долженъ поговорить здѣсь объ *авторитетахъ вообще* и, скрѣпя сердце, рѣшаюсь на это, такъ какъ предметъ трудень въ высочайшей степени. Авторитеты, въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ разумѣю, вообще раздѣляются на *общіе* и *частые*. Напримѣръ, общій

авторитетъ — поэзія, частный авторитетъ — Пушкинъ; общій авторитетъ — критика, частный авторитетъ — Бѣлинскій и т. д. Теперь замѣтите, что одна изъ отличительныхъ чертъ настоящей литературы есть именно отрицаніе общихъ авторитетовъ. Напримѣръ отвергается не просто Пушкинъ, или другой поэтъ, а отвергается поэзія вообще; отвергается не просто Гегель, а философія вообще; отвергается не просто Гизо, а вся исторія и т. д. Разница между такимъ отрицаніемъ общаго авторитета и отрицаніемъ какого нибудь частнаго авторитета чрезвычайно большая. Частный авторитетъ всегда отвергается не иначе, какъ *во имя общаго*; такъ—что общій становится отъ этого только выше и крѣпче. Такъ человекъ съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ не признаетъ многого, чѣмъ восхищается толпа, но тѣмъ выше цѣнитъ то, что признаетъ. Если онъ приходитъ къ убѣжденію, что авторитетъ, который онъ признавалъ, есть авторитетъ фальшивый, то это отрицаніе есть только *очищеніе*,

возвышеніе его понятія о красотѣ, и совершается во имя этаго болѣе чистаго и высокаго пониманія. Такъ точно философъ отвергается во имя философи, историкъ во имя исторіи, поэтъ во имя поэзіи. Вотъ почему отрицаніе частныхъ авторитетовъ есть всегда успѣхъ, вотъ почему оно возбуждаетъ къ себѣ такое горячее сочувствіе. Мы радуемся каждый разъ, когда падаетъ фальшивый авторитетъ, потомучто увѣрены, что онъ заслоняетъ намъ общій, и что, съ паденіемъ его, намъ будутъ доступны свѣтъ и теплота истинныхъ авторитетовъ.

Но у насъ, въ литературѣ, дѣло идетъ совершенно на оборотъ. Частный авторитетъ не признается потому, что отвергается общій. Такъ, въ безчисленныхъ толкахъ о Пушкинѣ, обнаружилось наконецъ вполнѣ ясно, что онъ отвергается только потому, что не признается самая поэзія, что отвергается поэзія вообще. Если поэзія вздоръ, то разумѣется и Пушкинъ вздоръ. Такъ точно историковъ и

философовъ не признають потому, что отвергають исторію и философію.

Отрицаніе общихъ авторитетовъ! Какое мрачное и жестокое дѣло! Оно разрушаетъ въ самомъ корнѣ величайшее счастье нашей человѣческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если чѣмъ красна и тепла наша жизнь, то развѣ не тѣмъ, что мы вѣруемъ въ общіе авторитеты, въ добро, въ истину, въ красоту? Если бы я не понималъ ни философіи, ни исторіи, ни поэзіи, то не отраднo ли мнѣ все-таки думать, что есть на свѣтѣ настоящая философія, что совершается вокругъ меня исторія, что существуетъ чистая поэзія? Благоговѣть передъ ними и стараться понять ихъ, есть уже великое счастье. А безъ этой вѣры, безъ *вѣры въ людей* счастье невозможно. Только при ней мы можемъ ясно судить, тепло чувствовать и твердо дѣйствовать; — отвергать ложь во имя правды, казнить безвкусіе во имя вкуса, презирать ничтожество во имя величія.

Но что же это? я увлекся и даже сбился съ надлежащаго моего тона. Не подумайте,

сдѣлайте милость, чтобы я хотѣлъ, даже намекомъ, упрекнуть когонибудь въ отрицаніи такихъ авторитетовъ, какъ на примѣръ *добро*. Но, что касается до *красоты*, то она у насъ уже погибла безвозвратно; даже *истина*, какъ вы отчасти видѣли, а дальше еще больше убѣдитесь, уже не нравится г. Писареву. Сейчасъ я подробно объясню вамъ, въ чемъ дѣло, и вы увидите, что все это невинно и простодушно въ высочайшей степени.

Начали мы съ отрицанія частныхъ авторитетовъ, и сначала дѣло шло самымъ правильнымъ образомъ, то есть отрицалось частное во имя общаго. Постепенно мы становились все смѣлѣе и смѣлѣе и, наконецъ, дошли до смѣлости, которой примѣра, я вполнѣ увѣренъ, не было въ лѣтописяхъ міра. То есть я не думаю, чтобы въ какомънибудь обществѣ, въ книгахъ, написанныхъ для образованнаго класса, такъ часто и такъ развязно были осыпаемы бранью великіе люди и великія дѣла всякаго рода, какъ у насъ. Я готовъ пари держать, что въ настоящую минуту

нѣтъ литературы, въ которой бы такъ часто употреблялись бранныя слова — напрымѣръ *вздоръ*, *нелѣпность*, *дичь* и пр. (г. Антоновичъ недовольный этими словами, пробуетъ ввести еще новыя — *чепуха*, *ерунда* и пр.). Въ потокѣ брани все сравнялось и мы стали за панибрата обращаться съ какими угодно лицами, съ какими угодно предметами. Я помню яростныя, и наивныя, въ своей ярости, выходки противъ Цицерона, Горація, Корнеля, Расина, Шиллера и пр., не говоря уже объ отечественныхъ писателяхъ, и о множествѣ другихъ людей и другихъ предметовъ.

Разумѣется, общіе авторитеты уже не могли служить основаніемъ такихъ игривыхъ сужденій, и такимъ образомъ мало по малу открылось, что общіе авторитеты были употребляемы только по привычкѣ, почти безсознательно, для низверженія частныхъ, но что корень всего событія, истинная его причина скрывается глубже и совершенно въ другомъ мѣстѣ.

Эта причина, этот корень, — я убѣжденъ, милостивый государь, что я открылъ его и позволяю себѣ гордиться открытіемъ столь важнымъ въ исторіи современной отечественной словесности, — состоитъ въ томъ, что наши литераторы заразились сильною склонностью мыслить *самостоятельно*, вполнѣ самобытно. Такое явленіе, повѣрьте, радуетъ меня на сколько слѣдуетъ, но на столько же, на сколько слѣдуетъ, и печалитъ. Нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ *легкомысленное довѣріе къ собственной логикѣ*. Все больше и больше является людей, которые не хотятъ учиться у другихъ, не хотятъ быть ни къ чему внимательными, не могутъ ни понять, ни оцѣнить чужое мнѣніе, а предаются только *уединеннымъ*, собственнымъ мыслямъ. Они начинаютъ рассуждать сначала, какъ будто до нихъ еще никто не жилъ и не рассуждалъ, или какъ будто всѣ кто ни жилъ, не умѣли рассуждать. Они блуждаютъ, какъ въ потьмахъ, потому что они совершенно слѣпы для свѣта чужихъ мыслей; за то свѣтъ, которымъ горитъ ихъ

собственная мысль, какъ бы ничтоженъ он ни былъ, кажется имъ единственно яркимъ и блистательнымъ. Имъ кажется, что весь міръ покрытъ глубокой ночью, и что они — свѣтляки, блуждающіе среди этой тьмы. Точнѣе я обозначаю это выраженіемъ — *тиранія собственныхъ мыслей*. Человѣкъ въ этихъ случаяхъ не самъ владѣетъ своею мыслью, но, на оборотъ, мысль имъ владѣетъ. Хорошо, если мысль великая: — тогда и явленіе будетъ великое; но вѣдь извѣстно, что мы большею частію люди маленькіе; слѣдовательно явленія необходимо будутъ жалкія и ничтожныя.

Не видя другого свѣта, кромѣ собственнаго, они не заботятся о томъ, чтобы воспламенить его также ярко, какъ у другихъ; они не заботятся о глубинѣ своихъ мыслей, и потому всякая мыслѣнка, рожденная собственнымъ ихъ чревомъ, помыкаетъ ими, какъ тряпкою. Жалкое состояніе! Человѣкъ, руководимый жизнью, видитъ вокругъ себя свѣтъ; онъ не легко рѣшается быть самостоятельнымъ, но, если рѣшается, то не попадетъ въ просакъ и

сдѣлаеть нѣчто прочное; человекъ же, который видитъ свѣтъ только въ себѣ, можетъ каждую минуту воображать, что сдѣлаеть великія открытія, и однакоже цѣлую жизнь провозится съ какими нибудь плохими софизмами собственнаго изобрѣтенія.

И вотъ насъ все больше и больше заѣдаютъ наши *самобытныя русскія разсужденія*; отъ нихъ—то и проистекаетъ отрицаніе общихъ авторитетовъ, потому что авторитетъ, какъ я уже сказалъ, требуетъ уваженія и подчиненія, и слѣдовательно мѣшаетъ раздолью самобытности.

Такъ, на примѣръ, исторія очевидно сильно мѣшаетъ г. Чернышевскому. Вотъ, что онъ говоритъ:

«На этомъ способѣ разсужденія (т. е. на историческомъ способѣ), опираются разныя вздорныя мечтанія и объ нынѣшнихъ дѣлахъ. Если бы толковали только о древней Римской имперіи, мало было бы намъ огорченія и вреда. Но бѣда въ томъ, что точно также трактуютъ о вопросахъ, важныхъ для нынѣшней

практической жизни народовъ, въ особенности народовъ полуварварскихъ».

Точно такъ г. Писаревъ жалуется на то, что русская литература встрѣчаетъ помѣху въ общихъ авторитетахъ и совѣтуетъ ей быть смѣлѣе.

«Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства, говоритъ онъ, наша литература относится какъ—то нерѣшительно, какъ—то вполонину, оглядываясь по сторонамъ, боясь колыхнуть авторитетъ, боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться внушенію непосредственнаго чувства».

И такъ вы видите, общіе авторитеты отвергаются во имя собственныхъ разсужденій или даже внушеній собственнаго чувства.

Что же это за разсужденія и за внушенія? Что возникаетъ въ глубинѣ нашихъ умовъ, довѣряющихся собственному свѣту?

Постараюсь характеризовать эти мысли, при чемъ, прошу васъ замѣтить, я ни мало не уклонюсь отъ главной своей мысли, то есть, я намѣренъ не *опровергать* ихъ, а только *излагать*; не *разрушать* ихъ, а напротивъ вникать въ нихъ и *описывать* ихъ.

Г. Чернышевскій начинаетъ съ того, что объявляетъ исторію очень скучнымъ дѣломъ. Намѣреваясь писать о величайшемъ переворотѣ, какой только былъ въ мірѣ, онъ говоритъ, что это предметъ сухой и скучный, *передъ которымъ суэзскій каналъ и зундская пошлина — сюжеты занимательные.* Слѣдовательно, чтъ же можетъ быть еще скучнѣе?

Сейчасъ вы и видите, что г. Чернышевскій не придаетъ этому перевороту того глубокаго смысла, который мы привыкли придавать ему. Въ паденіи древняго міра мы привыкли видѣть самое важное историческое событіе. Если кто знаетъ исторію только по слуху, то онъ все-таки воображаетъ, что нужно много учиться и

думать для того, чтобы вполнѣ понять, *что и какъ* здѣсь произошло, понять, что это была за жизнь, *древняя* жизнь, которая упала, и въ чемъ состоитъ новая жизнь, которая началась. Но по мнѣнію г. Чернышевскаго все это такъ просто, что тутъ не приходится и думать, да скучно и говорить. Римъ палъ просто *отъ варваровъ*, единственно и исключительно отъ варваровъ.

Варваровъ было тогда ужасно много. *Отъ Амура до Рейна*, пишетъ г. Чернышевскій, *все безмѣрное пространство было занято воинственными дикарями*. Догадливый читатель тотчасъ смекнетъ — жаль, что этого не договорилъ г. Чернышевскій, что — варваровъ, пожалуй, было гораздо больше, чѣмъ жителей въ Римской имперіи.

Но кромѣ того, это были прежестокіе варвары. Вотъ какъ ихъ описываетъ г. Чернышевскій:

«Варваръ рѣзаль людей такъ, какъ школьники бьютъ мухъ, безъ всякой надобности, просто отъ скуки. Ему не нужно было уклоняться съ пути, который

онъ признавалъ справедливымъ; у него не было ни колебаній, ни опасеній, не было того непріятнаго чувства, которое отталкиваетъ челоуѣка отъ дурного дѣла, и для преодоленія котораго, нужны особенныя, довольно сильныя побужденія; нѣтъ, онъ не дѣлалъ ничего дурного, когда рѣзалъ и грабилъ. Онъ дѣлалъ это съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ мы выпиваемъ рюмку вина, или садимся играть въ преферансъ».

Ужасно, не правда ли? Ну можно ли было Римской имперіи справиться съ такими варварами? И вотъ они терзали, терзали и, наконецъ, совсѣмъ разрушили прекрасную имперію. Какой печальный и страшный случай! Даже самъ г. Чернышевскій, не смотря на свою смѣлость и рѣшительность, при мысли о *такомъ* разрушеніи древняго міра, впадаетъ въ элегическое настроеніе духа и повторяетъ прекрасные стихи:

Сколькохъ добрыхъ
жизнь поблекла,
Сколькохъ низкихъ рокъ
щадить!

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный
Тирситъ!

Но истина всего дороже, и потому онъ, не обинуясь, высказалъ свое рѣшительное мнѣніе:

«Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говоримъ: исключительно волненіемъ, которое овладѣло всѣми кочевыми племенами отъ Рейна до Амура. Тутъ было ни больше, ни меньше, какъ погибель страны отъ наводненія. Никакой внутренней необходимости смерти не было. Напротивъ жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель Римской имперіи такая же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи».

Вы видите, что настоящее возраженіе противъ этого мнѣнія, — именно то, что съ нимъ невозможно спорить. У кого же въ самомъ дѣлѣ достанетъ наивности приводить, по этому случаю, г. Чернышевскому доказательства

внутреннаго разложенія древняго міра, ссылатся на свидѣтельства самыхъ древнихъ писателей, и вообще припоминать и разъяснять какія нибудь черты этого страшнаго времени? Время было дѣйствительно страшное; такой тоски, такого отчаянія и сомнѣнія, такого упадка душевныхъ силъ, еще никогда не испытывалъ человѣкъ. Время странное и страшно любопытное, и глубоко поучительное... Но увы! Все наше горе въ томъ, что дѣло—то у насъ идетъ совсѣмъ не объ этомъ времени, а только о г. Чернышевскомъ. Прекрасно было бы, если бы г. Чернышевскій сталъ изучать это время и сталъ говорить о немъ съ читателями. Но это благополучіе очень далеко отъ насъ. Теперь же г. Чернышевскій вздумалъ только сообщить публикѣ одну изъ *своихъ собственныхъ мыслей*, и передъ этою мыслью, Римъ со своею исторіею долженъ былъ посторониться и исчезнуть безвозвратно. Въ этомъ весь смыслъ, все значеніе и содержаніе статьи.

Какая же эта мысль? Г. Чернышевскій разсуждаетъ абсолютно и именно слѣдующимъ образомъ: внутреннихъ причинъ паденія Рима не было, потомучто вообще внутреннихъ причинъ никакихъ *не можетъ быть*.

«Говорятъ: «римскій міръ истощилъ свои жизненныя силы». Что же, развѣ люди, его составляющіе, утратили человѣческую натуру? развѣ они перестали родиться имѣющими человѣческой умъ и человѣческія наклонности? или развѣ, по какому-то особенному случаю, всѣ люди въ Римской имперіи раждались идіотами? Что за вздоръ! пока общество состоитъ изъ людей, оно имѣетъ въ себѣ всѣ свойства человѣческой натуры. Отживаетъ свою жизнь организмъ отдѣльнаго человѣка; но, съ каждымъ вновь родившимся человѣкомъ, является новый организмъ съ новыми свѣжими силами, и при каждой смѣнѣ поколѣній возобновляются силы народа».

«Какъ же это общественныя силы могутъ истощаться? Какъ можетъ уменьшаться въ

обществѣ свѣжесть и молодость, пока родятся люди?».

Не правда ли, что подобныя рѣчи — драгоценная находка? Не правъ ли я былъ, говоря, что это сонныя рѣчи, въ которыхъ проговаривается русская литература, и которыя нужно тщательно замѣчать. Всмотритесь, какая въ нихъ дѣвственная самобытность! Какая наивная и соблазнительная ясность, возможная только при глубочайшемъ непониманіи предмета! Исторія, какъ вы видите, разрушается до корня. Если жизнь одного поколѣнія не входитъ, не воплощается въ жизнь другого, то исторія — чистый вздоръ. По мнѣнію г. Чернышевскаго, каждый новый человѣкъ какъ будто начинаетъ исторію сначала, каждый можетъ взять отъ предковъ только то, что самъ вздумаетъ, и г. Чернышевскій наивно увѣренъ, что, отъ начала міра, каждый юноша чувствовалъ себя такъ раздольно и свободно, и былъ связанъ со своими предками на столько, на сколько хотѣлъ.

Увы! Г. Чернышевскій можетъ быть правъ, только совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ онъ думаетъ. Мнѣ кажется, въ его мнѣніяхъ только простодушнѣйшимъ образомъ выразилось то положеніе, въ которомъ чувствуетъ себя самъ г. Чернышевскій. Да, онъ, какъ видно, свободенъ, онъ ни чѣмъ не связанъ, ни съ древнимъ Римомъ, ни съ чѣмънибудь другимъ въ исторіи. И едва ли не находятся въ подобномъ положеніи многіе изъ нашихъ русскихъ умовъ и изъ нашихъ русскихъ писателей. Многіе изъ насъ, очень многіе обитаютъ въ свѣтлой области облаковъ, а не на твердой почвѣ исторіи. Скажу больше, кто изъ насъ не чувствуетъ, что онъ болѣе или менѣе не чуждъ этому положенію, что почва скользитъ у него подъ ногами?

Но это положеніе, въ которое мы приведены все—таки *нашей исторіей* есть положеніе бѣдственное и печальное. Носится въ туманѣ одинокимъ и оторваннымъ, заключая весь свой міръ въ себя, и не чувствовать вокругъ себя свѣтлаго и кипучаго моря родной исторіи —

грустно въ высочайшей степени. Есть жизнь гораздо лучше, когда каждый новый человекъ не отрывается отъ почвы, когда онъ вступаетъ въ ту жизнь, которою живетъ *цѣлый его народъ*, и въ тотъ періодъ этой жизни, въ какомъ онъ засталъ ея исторію. Объяснять г. Чернышевскому, въ чемъ состоитъ жизнь, о которой я говорю, я не стану. Я хотѣлъ только сказать, что хорошо только то общество, въ которомъ сильна и свѣжа эта общая историческая жизнь, въ которомъ каждый членъ чувствуетъ подъ собою эту почву, этотъ родной авторитетъ. Напротивъ, жалко и ничтожно то общество, въ которомъ этого авторитета нѣтъ, въ которомъ каждый членъ *цѣлую жизнь* носится и нянчится съ *одними собственными* мыслями.

Перейдемъ теперь къ г. Писареву. Множество родственныхъ чертъ ставятъ его статью въ одинъ разрядъ со статьею г. Чернышевскаго. Если г. Писаревъ уничтожаетъ философію, то вовсе не потому, чтобы онъ зналъ философію и нашелъ бы въ ней что нибудь дурное. И

здѣсь, къ несчастію, дѣло идетъ не о философіи, а только о г. Писаревѣ; онъ отрицаетъ философію точно также, какъ г. Чернышевскій исторію, то есть, во имя нѣкоторой мысли, до которой онъ собственнымъ умомъ дошолъ. Г. Писаревъ, какъ оказывается, очень хлопочетъ о *всеобщемъ благополучіи*, и вотъ какія его идеи:

«Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣе пронесетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человѣкомъ, не тяжелымъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненные передѣлки достанутся легко; разочарованіе будетъ невозможно, потомучто не будетъ очарованія; паденія будутъ легкія, потомучто вы не будете взбираться на недосыгаемую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а наслажденіемъ, занимательною книгою, въ которой каждая страница отличается отъ предыдущей и

представляет свой оригинальный интерес. Не стѣсняя другихъ непрошенными заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; вы будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство и съ благодарностію или вѣрнѣе съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ приносить. Если бы всѣ въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ и повиновались бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга и не вмѣшиваясь въ чужія дѣла, то право тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ.»

«Идеаль челоѡка *comme il faut*, челоѡка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника — все это мечты, которымъ многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззавѣтному наслажденію.»

Таковъ *идеаль благ ополучія*, къ достиженію котораго г. Писаревъ старается

способствовать своимъ ближнимъ. Г. Писаревъ заботится о томъ, чтобы ничто не *отравляло* жизни, и потому, разумѣется, возсталъ противъ философи, такъ какъ она въ смыслѣ г. Писарева, сильно *отравляетъ жизнь*, порождая умственный аристократизмъ и мѣшая беззавѣтному наслажденію.

Съ своей точки зрѣнія онъ легко доказываетъ *безполезность философи*.

«Въ практической жизни, пишетъ он, мы всѣ матеріалисты и всѣ идемъ въ разладъ съ нашими теоріями; вся разница между идеалистомъ и матеріалистомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеаль служитъ вѣчнымъ упрекомъ и постояннымъ кошмаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя свободнымъ и правымъ, когда никому не дѣлаетъ фактическаго зла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ; вы садитесь за письменный столъ и ищите начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ и, если ваша тетрадь или книга не попадется вамъ на глаза или

подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя бы ваше сознание говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахара, что вы сейчасъ же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо увѣрены въ томъ, что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столько сахара, сколько кладете обыкновенно.»

Вы видите, что это также ясно и даже яснѣе, чѣмъ мысль г. Чернышевскаго, что исторіи нѣтъ, потому что старое поколѣніе — люди, новое поколѣніе — тоже люди и слѣдующее поколѣніе — опять таки люди. Такого рода соблазнительная и заразная ясность основывается, какъ я сказалъ, на глубочайшемъ непониманіи предмета, и потому дойти до нея очень легко.

Если вы напримѣръ вообразите, что идеализмъ есть чай, а матеріализмъ сахаръ, то вы можете съ поразительною ясностью доказывать, что идеализмъ безъ

матеріализма не вкусень, т. е. что чай безъ сахару никакъ не будетъ сладокъ.

У г. Писарева есть еще другія доказательства.

«Философскіе вопросы, говоритъ онъ, останутся не понятными для человѣка, одареннаго простымъ, здравымъ смысломъ и не посвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служить самымъ разительнымъ доказательствомъ незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей бесполезности подобныхъ умственныхъ упражненій. Отгонять непросвѣщенную чернь (*profanum vulgus*) отъ храма науки, не въ духѣ нашей эпохи; это не гуманно и опасно; если же всѣ вообще, а не одни избранные должны и желаютъ учиться и размышлять, то не мѣшало бы выкинуть вонъ изъ науки то, что понимается не многими и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. «Странно назвать міровою истиною или міровымъ вопросомъ такую идею или такой вопросъ, которые смутно понимаетъ незначительное

меньшинство односторонне развитыхъ людей. А какъ же не назвать одностороннимъ и уродливымъ развитие такихъ умовъ, которые на всю жизнь погружаются въ отвлеченность, ворочаютъ формы, лишонныя содержанія, и умышленно отворачиваются отъ привлекательной пестроты живыхъ явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую-то не соразмѣрность въ развитіи отдѣльныхъ частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе в мозгу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣлимымъ тотъ разнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона также странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ скопцѣ высшую фазу развитія человѣка.»

Опять повторяю, не съ тѣмъ я привожу эти выписки, чтобы опровергать ихъ или

смѣяться надъ ними: я не способенъ къ подобному легкомыслію. Предлагаю вамъ серьёзно вникнуть въ нихъ. Разумъ человѣческій всегда дѣйствуетъ одинаково, и законы его непреложны; въ этомъ мы можемъ убѣдиться даже на г. Писаревѣ. Всякій общій авторитетъ можетъ быть отрицаемъ съ видимою законностію не иначе, какъ во имя *другого общаго авторитета*. Такъ и поступаютъ наши писатели; они отрицаютъ извѣстную науку во имя другой науки или истины вообще; отрицаютъ право или красоту во имя пользы и т. д. Г. Писаревъ пошолъ дальше всѣхъ, и вы ясно видите, что онъ отрицаетъ все во имя одного общаго авторитета, во имя *жизни*, а жизнь онъ очевидно разумѣетъ, какъ *привлекательную пестроту живыхъ и беззавѣтныхъ наслажденій*.

Такимъ образомъ, я надѣюсь, вы убѣдились, милостивый государь, что здѣсь дѣйствительно есть нѣкоторое *движеніе самостоятельной* мысли, и что это не есть

одна только чистая чепуха и ерунда, говоря слогомъ г. Антоновича.

Въ заключеніе приведу вамъ заключеніе статьи г. Писарева, такъ какъ въ немъ съ чрезвычайной наивностію высказывается глубокая тайна такихъ писателей, именно открывается, почему они такъ *беззавѣтно* предаются своимъ самостоятельнымъ размышленіямъ.

«Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, критику лучше всего высказывать *свой* взглядъ на вещи, дѣлиться съ читателемъ *своимъ* личнымъ впечатлѣніемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ г. Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣніями мои воззрѣнія и предоставляю читателямъ полнѣйшую свободу выбрать тѣ или другія, или отвергнуть и тѣ и другія. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи въ что бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнія. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а

вызвать самодѣтельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтится много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самодѣтельное движеніе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ нибудь рецензентомъ, это опять таки будетъ очень полезно: *du choc des opinions jaillit la verité*, говорятъ французы и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться.»

Повѣрьте, что этотъ драгоцѣнный отрывокъ (я считаю его драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ, которые привелъ) написанъ не даромъ, не съ вѣтру; не думайте, что можно отъ него отдѣлаться, сказавши автору: г. Писаревъ! ваша статья вызвала во мнѣ только ту *самодѣтельную мысль*, что для васъ лучше бы было совсѣмъ ее не писать. Нѣтъ, дѣло не такое простое. Эти соображенія г. Писарева очевидно подготовлены нашею литературой; они

представляютъ логическій выводъ изъ того положенія, въ которое себя ставятъ, изъ того тона, который принимаютъ многіе наши писатели. Г. Писаревъ не виноватъ, вообразивши, что самодѣтельность мысли всегда полезна, и слѣдовательно всегда законна и нужна. Онъ видѣлъ, что вокругъ него мыслятъ самодѣтельно одинъ, другой, третій, словомъ всякій, кто вздумаетъ; вотъ онъ и возвелъ это явленіе въ принципъ, въ общее правило; вотъ онъ и говоритъ теперь намъ: *давайте же всѣ мыслить самостоятельно и чуръ одинъ другому не мешать!*

Этимъ я заключаю, милостивый государь, мое изслѣдованіе двухъ современныхъ произведеній литературы. Мнѣ кажется, что я вель дѣло съ надлежащею точностью, и что мой малый трудъ имѣлъ бы полное право украситься такимъ заглавіемъ: *краткая, но точная характеристика двухъ замѣчательныхъ образчиковъ*

статей, встречающихся въ изобилии на полѣ русской литературы.

Скажу еще разъ, незначительность предметовъ ни сколько не лишаетъ важности и серьёзности научныхъ изысканій надъ ними. Натуралисты даже съ особеннымъ любопытствомъ изслѣдуютъ микроскопическіе организмы, надѣясь *яснѣ видѣть* въ нихъ тайны жизненныхъ процессовъ. Въ этомъ отношеніи, я надѣюсь, вы найдете весьма удачнымъ мой выборъ статьи г. Писарева; она, по методѣ сравненія, во многомъ помогла мнѣ въ характеристикѣ статьи г. Чернышевскаго.

Позвольте теперь мнѣ предаться нѣсколько болѣе общимъ соображеніямъ. Я доказалъ, что истинный источникъ статей есть самостоятельное мышленіе. Что же мы выдумали, начавъ мыслить самостоятельно? Мы выдумали страшное дѣло — отрицаніе *общихъ* авторитетовъ. Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, мы просто только остались вѣрными своей натурѣ, только успѣли вполне ее выразить. Чуть только мы немножко научились мыслить и говорить,

какъ мы и показали, что мы варвары, народъ дикій. У насъ нѣтъ ни науки, ни искусства, ни философи, ни исторіи; мы не умѣемъ, не привыкли, не научились уважать ихъ; вотъ почему мы такъ грубо съ ними обращаемся, такъ мало ихъ цѣнимъ, такъ легко отбрасываемъ. Мы презираемъ и осмѣиваемъ историковъ, философовъ, поэтовъ, потому что мы ихъ не понимаемъ, не понимаемъ, изъ-за чего они хлопчуть, что ихъ такъ сильно воодушевляетъ; мы съ удивленіемъ смотримъ на нихъ, какъ дикарь смотритъ на занятія образованнаго человѣка, мы готовы считать ихъ труды высокопарной болтовнею, или странными, бесполезными тонкостями.

И такъ что же? Ужели намъ дѣйствительно суждено начать исторію *сначала*? Признаюсь, подобное будущее не разъ мелькало въ моемъ воображеніи, и съ нѣкоторымъ ужасомъ я пробовалъ взглядѣться въ него. Что будетъ, если самостоятельные люди размножатся, если они со временемъ будутъ господствовать въ общемъ мнѣніи? Общіе авторитеты

погибнуть. Что намъ за дѣло до Рима съ его исторіей, или до нѣмецкихъ философовъ? Мы не станемъ изучать не только древнихъ языковъ, они давно признаны бесполезными, но бросимъ и исторію, и философію, и поэзію, и всѣ искусства. Одна будетъ у насъ цѣль, и при томъ, кто не будетъ для нея работать! — *матеріальное благосостояніе.* И дѣйствительно, мы вѣроятно прекрасно устроимся, какъ скоро бросимъ заниматься пустяками. У каждаго будетъ работа; всѣ мы будемъ сыты, одѣты, не будемъ терпѣть ни голода, ни нищеты, будемъ здоровы, а заболѣемъ — найдемъ всегда докторовъ и лекарства. И тогда—тогда конечно можно будетъ позволить себѣ иногда позабавиться музыкаю или поэзіею, или пофилософствовать на сытый желудокъ; но что касается до исторіи — скучная матерія! не лучше ли ее совсѣмъ ужь бросить?

Я предупредилъ васъ, что я мечтаю; и дѣйствительно все это грезы, чистыя мечтанія. Спѣшу возвратиться на твердую почву дѣйствительности, которую столько

люблю. Какъ можно вообразить себѣ, что погибнуть общіе авторитеты? Вѣдь они полны крѣпкой, неистощимой, вѣчно обновляющейся жизни. Сколько бы варварства въ насъ ни было, они принудятъ насъ себѣ покориться. Борьба съ ними и мнимое пораженіе ихъ, есть чистая игра фантазіи. Въ дѣйствительности наша литература чрезвычайно фантастична. «Современникъ» часто напоминаетъ мнѣ какой-то сказочный, баснословный міръ, въ которомъ совершаются большіе чудеса. Г. Чернышевскій или другой рыцарь, какъ новый Бова королевичъ, дѣлаетъ въ этомъ мірѣ тысячи богатырскихъ подвиговъ. Онъ свиснетъ — и десятки ученыхъ уничтожены; махнетъ перомъ — смотришь, какой-нибудь науки какъ не бывало, или исторія цѣлаго народа — развѣяна прахомъ. Но все это такъ кажется только въ фантастическомъ мірѣ «Современника». Если же оглядѣться кругомъ въ дѣйствительности, то окажется, что и ученые, и науки, и исторія здравы и невредимы и продолжаютъ дѣлать свое дѣло.

Откуда же у насъ взялось это фантастическое богатырство? Почему оно нашло себѣ такое сильное сочувствіе? Конечно потому, что корень его *самобытность* мысли. Самобытность, самодѣятельность мышленія есть явленіе драгоценное, глубоко-привлекательное. Не смотря на нашу малую способность разсуждать, не смотря на наше пристрастіе къ *соблазнительной ясности*, не смотря на то, что эта самостоятельность почти неизбѣжно сопровождается чудовищнымъ развитіемъ самолюбія и презрѣнія къ другимъ людямъ, и вообще порождаетъ множество дикихъ явленій, какъ только выйdetъ изъ границъ, не смотря на все это *самостоятельность* мысли сама по себѣ мнѣ мила, и конечно мила всякому. Она есть главная двигательная сила людей. Что же ее у насъ такъ портитъ, такъ уродуетъ и загоняетъ въ фантастическія области? Какъ и почему наша исторія привела насъ къ этимъ нерадостнымъ явленіямъ?

Вы видите, что это такіе вопросы, на которые не легко отвѣчать.

Н. КО.

8 мая 1861 г.
